

Гарри шел, праздно блуждая бескрайним полем пестрых цветов. Вокруг царил тишина. Даже ветра не было. Маленькие облака пара вырывались у него изо рта и носа при каждом вздохе. Было очень холодно. Хотя солнце и светило целый день, температура с прошлой ночи не изменилась, и стужа стояла такая же, как и вчера. Гарри не мог точно сказать, когда он начал идти. Он не помнил, откуда он шел и куда направлялся. Внимательно изучив горизонт вдалеке, он не увидел ни холмов, ни гор; местность была совершенно ровной. Гарри оглянулся, и ему открылся такой же пейзаж. Его путь был отмечен идеально прямой тропинкой примятых цветов — точно по линии заходящего солнца.

«Кажется, я иду на восток...»

Гарри шел вперед. Несмотря на то, что солнце уже давно село, он все еще различал цветы на поле. Не прекращая идти, он бросил взгляд на безоблачное небо, на котором не было ни звезд, ни луны... сплошная тьма. Черное небо понемногу окрасилось бархатно-пурпурным. Справа от Гарри на горизонте возшло солнце.

«Должно быть, я иду на север...»

Он мельком взглянул назад и увидел, что проложенная им тропинка поломанной и примятой растительности остается такой же прямой. Казалось, мысль о том, что он одновременно движется в двух различных направлениях, совершенно не смущала Гарри, хотя он и помнил, что не сворачивал ни разу. Все, что он знал, так это то, что ему нужно продолжать идти. Он не мог остановиться.

Гарри был изнурен. Его ноги устали, а веки налились тяжестью, но он шел дальше. Что-то, что он не мог услышать, говорило ему делать это. Что-то на грани сознания гнало его вперед.

Он шел так долго, что не мог сказать, как много дней прошло. Гарри не в силах был вспомнить, когда он останавливался в последний раз, если он когда-либо делал это. Он знал, что должен поспать, но не знал, когда спал прошлый раз. Он не мог вспомнить, спал ли он вообще, настолько глупо звучала эта идея. Само понятие сна казался ему чуждым. Каждый раз, когда Гарри собирался остановиться, чтобы прилечь отдохнуть среди цветов, отчаянный, почти умоляющий голос толкал его вперед.

Что-то подстегивало его продолжать идти, не позволяя ни минуты отдыха, как будто сон мог оказаться смертельным. Взвешивая идею привала, Гарри заметил заходящее солнце справа от себя.

«Странно, должно быть, я двигаюсь на юг».

Он вновь оглянулся и увидел, что его след из сломанных цветов все еще совершенно прямой линией уходит вдаль. Именно тогда он обратил внимание на мрак далеко в небе. Клубы сумрака нереально быстро неслись к нему из-за горизонта. Ярко-красная молния раз за разом сверкала из-за облаков, оставляя огромные темные круги обугленного грунта и выжженных цветов вокруг дымящихся воронок в тех местах, где она попадала в землю.

Не отрывая глаз от вихря, который быстро приближался к нему, Гарри слепо побежал вперед, просто пытаясь оставаться за стеной «дождя», который, он знал, в конечном счете, захватит его в свой плен. Внезапно сзади налетел ветер, почти сбивая его с ног. Тучи яростно клубились, приближаясь все больше, а секунду спустя его нагнала тьма, и когда на него обрушился «дождь», Гарри запаниковал. На бегу он почувствовал, как крупные тяжелые капли начали барабанить по его телу. Он увидел, как красивые розовые, красные и синие цветы, растущие вокруг, медленно окрашиваются алым из-за льющего стеной дождя чего-то вязкого. Гарри убрал с глаз мокрую челку, и его глаза округлились от ужаса, когда он понял, что дождь на самом деле состоит из крови. Он резко остановился, не в силах оторвать взгляд от того, как липкая темно-красная жидкость стекает по его рукам. Тут, сквозь расставленные пальцы, все в пятнах от крови, Гарри увидел в двадцати метрах перед собой одинокий надгробный камень. Откуда-то он знал, чья это была могила, но хотел убедиться в этом своими глазами.

Как только он сделал шаг в сторону надгробия, в могилу попал удар молнии, опрокидывая Гарри на землю. Нетвердо держась на ногах, он поднялся и, пошатываясь, направился к кромке воронки, где еще секунду назад стоял надгробный камень. Заглянув в нее, он увидел на дне тлеющий гроб, крышка которого была оторвана.

Гарри смотрел на безжизненное тело юной девушки, лежащей в гробу. Он видел ее мертвенно-бледное изможденное лицо и темно-русые кудрявые волосы. Упав на колени на обугленную и пропитанную кровью землю, он закрыл руками лицо.

«Гермиона...»

С неба послышался раскатистый гром, очень напоминающий зловеющий смех. Отняв окровавленные руки от лица, Гарри взглянул вверх на темные клубящиеся тучи и мельком увидел красные змееподобные глаза, злобно косящиеся на него.

Далеко впереди, на горизонте, он заметил небольшую, переливающуюся белым золотом, сферу, которая быстро становилась все ярче и расширялась, подобно взрыву. Почти тотчас она поглотила все небо, оттесняя бурю за линию горизонта. Ее золотистое свечение было настолько ярким, что Гарри был вынужден закрыть глаза, но оно исчезло так же быстро, как и появилось. Нежный ветер, несущий аромат корицы, коснулся его лица, оставляя ощущения спокойствия, как будто Гарри лежал на удобной кровати или находился в чьих-то теплых объятиях... или... и то, и другое?

Он услышал знакомый нежный голос, шепчущий ему на ухо:

— Пожалуйста, очнись... О, Гарри, не оставляй меня... Пожалуйста, просто очнись.

С большим трудом Гарри приоткрыл один глаз. Оказалось, что он сидит в постели, а всхлипывающая и дрожащая Гермиона осторожно баюкает его в своих руках. Он оглядел незнакомую комнату сквозь завесу ее золотисто-русых волос и увидел в ногах своей кровати Рона, Тонкс и незнакомца, одетого в зеленую мантию целителя Больницы Св. Мунго. Все трое, пооткрывав рты, уставились на него, хотя без очков Гарри было трудно разобрать их точные

выражения лиц.

— Чувствую себя просто отвратительно... — вот и все, что Гарри смог прошептать своими сухими потрескавшимися губами. Гермиона на секунду сжала его в объятиях, прежде чем, отстранившись, посмотреть ему в лицо.

Он слабо ей улыбнулся и сказал:

— Привет.

Он услышал, как Гермиона слабо всхлипнула, вновь сдавив его в своих объятиях, но секундой позже была отодвинута от него целителем.

— Вон! Все вон! Необходимо его осмотреть! — приговаривала колдомедик, выпроваживая посетителей из палаты Гарри. А уже через минуту комната была битком забита целителями и их ассистентами, которые накладывали на него диагностические чары и анализировали его магическое поле, тыкая и покалывая каждый дюйм его тела своими палочками. Низенький тучный целитель, впереди которого плыли по воздуху перо и история болезни, вошел в комнату. Наколдовав себе стул, он сел у изголовья Гарри и громко прочистил горло.

— Вы понимаете, что я говорю? — спросил целитель, в то время как перо начало царапать что-то на пергаменте истории болезни.

Гарри откинулся на подушку, пытаясь прояснить завесу тумана в голове, мешающую ему думать. Открыв глаза, он мельком глянул на целителя и слабо кивнул.

— Меня зовут целитель Обри. Я знаю, как вам сложно, но постарайтесь приложить максимум усилий. Вы можете назвать свое имя?

— Гарри Поттер, — прохрипел он.

Целитель улыбнулся:

— Хорошо, хорошо...

Заметив причину недомогания Гарри, он наколодовал кусок материи и кубок воды на тумбочке возле постели. Окунув ткань в воду, он осторожно увлажнил губы Гарри, чтобы смягчить сухость.

— Вы знаете, где сейчас находитесь?

Гарри просто кивнул, догадываясь, что, скорее всего, он лежит в Больнице Св. Мунго.

— Хорошо, теперь попытайтесь назвать последнее место, где вы находились.

Гарри с огромным трудом приводил мысли в порядок. Тело было слабым и изможденным, конечности налились свинцом, а шрам на лбу болезненно пульсировал. Он помнил почти всю поездку на Хогвартс-Экспрессе, хотя ему казалось, что большую часть пути он проспал. Он мог припомнить, как переодевался около Гермионы на вокзале Кингс-Кросс, и свою поездку в Суррей, и пустующий дом Дурслей, и ужин в «Дырявом Котле» с аврором Бенжамином Боунсом.

— «Дырявый Котел», — слабо проговорил он. — Я был в своей комнате.

Перо деловито царапало на пергаменте заметки, а целитель взглянул на Гарри, ожидая продолжения рассказа. Через пару секунд, увидев, что Гарри больше нечего добавить, он спросил:

— Вы не помните, как покидали «Дырявый котел»?

Гарри внезапно вспомнил о своем злополучном походе в банк «Гринготтс». Он открыл один глаз и вновь взглянул на целителя.

— Я лишь выходил, чтобы быстро заскочить в «Гринготтс». После этого я вернулся в номер и больше не покидал его.

Гарри закрыл глаз и вздохнул, думая о своем опустошенном хранилище. Он откинулся на подушку и спросил:

— Вы не скажете, что со мной произошло?

— Мы надеялись, что это вы поведаете нам об этом... — тут целитель рассказал Гарри историю о том, как его нашла в Хайд Парке маггловская полиция, после чего его забрали в маггловскую больницу, где он находился в состоянии комы почти три недели, пока его не «спасли» и не переместили в Св. Мунго.

— Три недели?

— Да, мистер Поттер. И еще две недели здесь, в Св. Мунго.

Гарри впервые полностью открыл глаза с тех пор, как он очнулся.

— Какое сегодня число?

— Девятнадцатое июля, — ответил целитель, поднося ко рту Гарри бутылочку с зельем. — Это зелье сна без сновидений. Я знаю, что вы очень долго находились без сознания, но навряд ли отдохнули должным образом. Вам все еще необходим безмятежный сон. Мы продолжим беседу завтра утром.

Через пару секунд Гарри уже спал, а бригада целителей все продолжала водить над ним своими палочками, осматривая его.

* * *

В это самое время Рон и Гермиона сидели на скамейке в коридоре возле палаты Гарри, пока стоящая в ее дверях Тонкс тщательно осматривала каждого целителя, который заходил внутрь.

— Вы что рехнулись? Нельзя было так врываться в палату. Я чуть не оглушила вас обоих! Что мне и следовало сделать! — отчитывала их Тонкс, расхаживая по коридору взад и вперед, все еще не спуская глаз с оживленных целителей, один за другим влетающих внутрь комнаты.

Сбитый с толку Рон сидел с озадаченным выражением лица, пытаясь осмыслить, что только произошло. Гермиона молча смерила Тонкс сердитым взглядом и опустила голову, устало вздохнув. Она сидела, нервно болтая ногами, и грызла ногти.

— И чем, во имя Мерлина, ты думала, накладывая на Гарри «Patronus»? В его состоянии такое количество магической энергии могло оказаться смертельным, да и с каких это пор у тебя Золотой Патронус? Я видела такого лишь у трех волшебников и...

— Прошу прощения, — прервал ее целитель Обри, выходя из палаты Гарри, — можно вас на пару слов, мисс Грейнджер?

И Гермиона, и Рон вскочили со скамейки:

— Как он себя чувствует? Он в порядке?

— Гарри выпил усыпляющее зелье, поэтому проспит до завтрашнего утра. Насколько мы можем судить, он поправится. Тем не менее, он должен остаться здесь еще на пару дней. Необходимо определить, чем он болен, и сейчас, когда его жизнь уже вне опасности, мы надеемся понять, что послужило причиной его комы.

И Гермиона, и Рон заметно расслабились. Гермиона обняла Рона, спрятав лицо у него на груди.

— Он поправится... — прошептала она в рубашку.

— Мисс Грейнджер, целитель Уиллоби сообщил мне, что Гарри очнулся благодаря вашему заклятью Патронуса. Мало кто не в курсе вашей репутации, и я определенно не хотел бы унижать ваше достоинство, но мне нужно узнать, почему вы решили, что заклятье Патронуса сработает. Я имею в виду, что оно не использовалось в медицинских целях никогда ранее...

Гермиона поспешно обдумывала ситуацию. Ей не очень-то хотелось говорить, что десятилетняя девочка, наполовину демон, сказала ей послать свою «выдру» к «олению». Идея соврать об источнике информации также казалась непривлекательной.

Оторвавшись от груди Рона, она стала лицом к лицу с целителем:

— Какая разница? Оно ведь сработало. Скажем так, один мой надежный источник посоветовал это попробовать, — и, решив взять реванш, достаточно резко продолжила: — Как будто ваши сомнительные «специалисты», которых вы вызвали, оказали ему хоть какую-то помощь.

Не успел слегка обиженный целитель Обри прийти в себя и что-либо ей возразить, как Гермиона резко развернулась, схватила Рона за руку и потащила его к лифтам.

— Рон, давай вернемся в кафе, я просто умираю от голода.

Оглянувшись на потерявших дар речи целителя и аврора, Рон сочувственно пожал плечами и позволил Гермионе увести себя. Он слегка улыбнулся, осознав, что впервые за прошедший месяц Гермиона изъявила какое-либо желание подкрепиться, да и сам он немного проголодался.

Взяв по свежему сэндвичу, они сели в том самом кафе, которое покинули часом раньше. Рон вновь улыбнулся, наблюдая, как Гермиона яростно вгрызается в свой бутерброд. Торопливо прожевав, она проглотила, покровительственно усмехнувшись ему, отхлебнула тыквенного сока и оторвала еще один кусок сэндвича. Рон так засмотрелся на нее, что даже не прикоснулся к своей еде.

— Гермиона, откуда ты знала, что Патронус сработает? Что произошло в комнате Котоны?

Гермиона как раз собиралась укусить свой сэндвич, но услышав вопрос, она вздохнула и положила его обратно на тарелку.

— Мисс Мелани не шутила, говоря, что люди боятся Котону. Когда я увидела ее впервые, на ней была маска, так что нижняя часть лица была прикрыта. Честно говоря, я подумала, что она очень красива, но увидев то, что было скрыто маской — клыки и рога...

Гермиона поежилась от одного только воспоминания об этом.

— Скажем так, у меня больше нет сомнений в том, что она наполовину демон.

— Клыки? — спросил Рон. — Как у вампира?

— Нет, они были тоньше и намного длиннее, больше похоже на клыки гоблина. Как бы то ни было, когда я с ней заговорила, Котона сказала, что защищает Гарри, но звала его «львом» и «оленем». И она так отчаянно повторяла, что «оленю» нужна «выдра», а точнее, моя «выдра». Она попросила меня поторопиться и сразу же потеряла сознание. Я просто предположила, что Котона имела в виду мой Патронус, сравнивая Гарри с оленем, а меня с выдрой. После этого я и побежала за тобой, чтобы потом зайти к Гарри.

— Ты хочешь сказать, что просто поверила ее словам, не требуя каких-либо доказательств?

— Еще раньше, на станции Кингс-Кросс, Гарри рассказал мне о ее словах, будто она защищает его, и, мне кажется, он ей поверил. Он сказал, что между ними есть какая-то связь, но не уточнил, какая.

Рон выглядел задумчиво:

— В любом случае, я просто рад, что это помогло. Ты до смерти нас перепугала, когда подняла палочку, ты понимаешь, о чем я.

— Очень странно, она сказала, что я не только выдра, но и орлица. Я понимаю, что «выдра» относится к моему Патронусу, но почему она назвала меня «его орлицей»?

— Его орлицей? — переспросил Рон, приподнимая брови. Слово «его» не укрылось от его внимания.

Гермиона пожала плечами и взяла с тарелки свой сэндвич:

— «Его орлица» — именно так она сказала, помимо того, что назвала Гарри оленем и львом.

— Ты думаешь, что она обладает способностью определять, какую анимагическую форму примет человек?

Гермиона вновь пожала плечами:

— Возможно, она имела в виду школьные факультеты. Должно быть, Котона считает, что я в Райвенкло или мне следовало бы там учиться.

Она поспешно запихнула в рот кусок сэндвича и взяла с тарелки его остаток, надеясь всем своим видом показать Рону, что больше не намерена обсуждать эту тему, учитывая слова Котоны о том, что она — «его орлица», «пара льва».

Рон помрачнел. Все еще не отводя глаз от Гермионы, он взял свой сэндвич с тарелки и откусил кусок.

— Как считаешь, почему он позвал тебя, когда, ну, ты поняла... — спросил он с полным ртом, прожевывая хлеб с тунцом.

Не поднимая взгляда со своей тарелки, Гермиона как ни в чем не бывало сделала глоток тыквенного сока прежде, чем спокойно пояснить сухим голосом:

— Потому что он, знаешь ли, влюблен в меня, Рональд. Я сплю с ним уже целую вечность.

Гермиона очень быстро обнаружила, что ей не стоило так дразнить Рона, оказавшись покрытой кусочками хлеба и тунца, вылетевшими у него изо рта.

— ЧТО? — завопил Рон, своим криком заставляя пару колдоведьм, сидящих неподалеку, в панике вскочить.

— Честное слово, Рональд, откуда мне знать, почему он произнес мое имя? — раздраженно бросила она и, нахмурившись, принялась стряхивать остатки еды с блузки.

Рон попытался успокоиться, но все еще выглядел не до конца убежденным в том, что она попросту его дразнила.

— Ну, твой отец говорил, что Гарри звал тебя и раньше, когда лежал в той маггловской больнице.

— Понятно, значит, ты считаешь, что Гарри в меня влюблен? — спросила Гермиона, с каждой минутой раздражаясь все больше и больше.

— Конечно, нет! Я не свихнулся, чтобы думать, что Гарри полюбил бы...

Гермиона встала и выплеснула остаток своего тыквенного сока Рону в лицо.

— Да? Гарри ни за что не полюбил бы кого-то столь уродливого, как я, значит, так ты считаешь?

Смятение проступило на мокром от сока лице Рона, когда он понял, что подразумевали его

слова.

— Но, Я не это имел в виду! Я... Я хотел сказать... Я...

— Можешь не стараться, Рональд. Ты прав, невозможно, чтобы кто-то влюбился в такую чудовищно некрасивую и скучную ведьму как я!

Гермиона промчалась к двери и исчезла за ней, оставляя пару ошеломленных колдоведьм и заикающегося Рона одиноко сидеть в кафе.

* * *

Джинни сидела за письменным столом своей комнаты на втором этаже «Норы». Убедившись в том, что запирающие и заглушающие чары наложены на все двери и окна, она постучала палочкой по верхней части стола, представляющей собой деревянную панель, и еле слышно прошептала «Dissimulo». Тут же в столе отворилась маленькая секретная дверца, открывая доступ в тайное отделение, хранящее страницу, которую Джинни дала одна студентка два года назад. Эта страница была вырвана из книги, запрещенной к хранению в библиотеке «Хогвартса», название которой Джинни не знала и знать не хотела. Она содержала рецепт весьма особых духов, сулящих исполнение ее самой отчаянной мечты. Мечты, которая волнующим образом претворялась в реальность до конца этого семестра, после чего все пошло наперекосяк. Джинни была уже готова поверить в то, что все произошедшие с ней неудачи приключились из-за ее собственных честолюбивых замыслов, по вине этой самой страницы, осуществившей ее мечту.

Джинни достала пергамент из небольшого потайного отделения и, аккуратно развернув его, положила на столешницу. Она внимательно принялась читать рецепт, в уме проверяя каждый свой шаг и пытаясь убедиться, что нигде не допустила ошибки.

«Distraho Careo Diligo Venenum

Любовный отворот

Ингредиенты:

1. Светлячки, сушеные и мелкотолченые — 10 шт.
2. Вытяжка из корня календулы — 50 мг

3. Костный мозг крыла филина, свежий — 1 г
4. Рог ирландского эмира, размолотый в порошок — 3 г
5. Кровь крылана, свежая — 15 мл
6. Масло винограда «Черная роза», концентрированное — 16 мл
7. Моча рулала — 5 мл
8. Волосок объекта отворота, длина 5 см — 3 шт.
9. Волосок субъекта отворота, длина 5 см — 3 шт».

Достать волосы Гермионы было достаточно легко, ведь девушки спали в одной комнате множество раз. Джинни понадобилось всего-навсего вытянуть прядку из расчески Гермионы. Чтобы раздобыть волосы Гарри, ей пришлось потрудиться. Будучи вынуждена проверять ванную комнату каждый раз после того, как он оттуда выходил, со временем Джинни собрала прядь из душевого слива. В конце концов, у кого еще из обитателей «Норы» были черные волосы?

«Смешайте ингредиенты №1—5 в стандартном оловянном котле (тип первый, стандарт С+). Доведите до состояния кипения, после чего сразу же помешайте тридцать раз против часовой стрелки. Дайте зелью покипеть не меньше шестидесяти часов, помешивая его каждые три часа по тридцать раз против часовой стрелки.

Убавьте огонь, добавьте ингредиенты №6 и №7 и продолжайте помешивать пять раз против часовой стрелки, пять раз по часовой на протяжении шестнадцати часов двадцати одной минуты и тридцати секунд. Время должно быть выдержано точно.

Вновь доведите до состояния кипения на двадцать секунд. Добавьте ингредиент №8, помешайте десять раз по часовой стрелке, один раз против часовой. Добавьте ингредиент №9, помешайте десять раз против часовой стрелки, один раз по часовой. Убавьте пламя и варите, не доводя до кипения, не меньше пятидесяти часов.

Снимите зелье с огня, перелейте в хрустальную емкость и запечатайте стандартным воском. Перед использованием дайте настояться пять недель».

Джинни была совершенно уверена, что использовала правильные ингредиенты в необходимом количестве. Она перевернула страницу и продолжила чтение, чтоб узнать, отличался ли произведенный эффект от предусмотренного инструкцией.

«Эффект:

Субъект

Почувствует неприязнь к Объекту через тридцать дней после начала применения, тогда же станет проявлять определенную заинтересованность в Носителе зелья. Начнет отказываться от общения с Объектом уже через сто двадцать дней, а через двести дней будет его полностью игнорировать, уделяя внимание Носителю до помрачения рассудка.

Объект

Начнет чувствовать подозрительность к Субъекту через сорок дней после начала применения. Через сто дней станет усиленно игнорировать Субъект, отталкивая его. И уже через сто пятьдесят дней будет стараться разорвать любого рода отношения с Субъектом. Различимой реакции на Носителя у него возникнуть не должно.

Носитель

Должен почувствовать усиленное внимание от Субъекта уже через сорок дней после начала применения. Произведенный эффект останется неизменным с сорок первого по трехсотый день, после чего начнет медленно, но верно возрастать до тех пор, пока настоящие чувства Субъекта не будут преобразены выигрышным для Носителя образом».

За описанием воздействия зелья следовала детальная арифмантическая формула. Джинни не имела ни малейшего понятия, ни как ее следует читать, ни что она означает, так как не учила Арифмантику. Все считали это «райвенкловским» предметом.

Внизу страницы было написано следующее.

«Применение:

Одна капля за каждое ухо, одна капля в горло по центру, три капли на грудь (в форме треугольника и над сердцем).

Полный эффект зелье возымеет через четыреста дней. После первичного использования, эликсир должен наноситься повторно...»

«Наноситься повторно по мере необходимости», — сказала сама себе Джинни. Страница закончилась, но она знала, что говорилось дальше. Она прочла формулу еще раз. Джинни была полностью уверена, что использовала правильные ингредиенты. Тем не менее, четыреста дней прошло много недель назад; отворот работал именно так, как ей обещала Пенни Пиндер, семикурсница из Хафлпафа, которая дала ей этот листок почти два года назад. Она помнила, как провела много бессонных ночей, варя этот эликсир, следуя каждой букве инструкции.

Зелье было очень трудным, и Джинни облегчила душу, удостоверившись, что сварила его верно. Теперь она была абсолютно уверена, что отворот перестал действовать из-за болезни Гарри, а не по причине ее неумения варить зелья. Ее отметки по Зельеварению были лучшими на всем курсе, и она не сомневалась ни в ингредиентах, ни в своих способностях.

Последний раз Джинни использовала дозу зелья, когда ехала в карете из замка на станцию в Хогсмид. Ей показалось, что Гарри почувствовал аромат, когда она попыталась обнять его перед посадкой на поезд. Джинни знала, что это рассердило его: Гарри напрягся и избегал встречаться с ней взглядом. А увидев, что он просто смотрит вдаль, она ужасно расстроилась. Рыдая навзрыд, она вбежала в поезд, но выглянув в окно, увидела, что Гарри даже не удосужился посмотреть в ту сторону, куда она побежала. Джинни удивила и смутила саму себя, ведь она не заплакала, даже когда он порвал с ней всего пару часами раньше. Она попыталась заговорить с ним еще раз, уже в поезде. И вновь Гарри даже не посмотрел на нее, не говоря уже о том, чтобы сказать ей пару слов.

«Почему оно перестало действовать?»

Засунув руку вглубь ящика, Джинни извлекла оттуда почти пустую бутылочку зелья. Она использовала его большую часть в прошлом году. Сварить еще было достаточно проблематично, ведь на то, чтобы купить ингредиенты для первой партии, у нее ушли все деньги, которые ей удалось скопить. Для использования остатков зелья требовалось выбрать подходящий момент. Джинни знала: Гарри любит ее, просто нуждается в толчке в правильном направлении, вернее, толчке с неверного пути. Она не могла позволить себе потерять Гарри. Только не после того, как она так долго надеялась. Не после того, как тяжело она поработала, чтобы заполучить то, что желала. Она не потеряет его сейчас. Она не уступит Гарри ей. Джинни любила ее, как сестру, но уступить парня, которого она любила уже много лет, этой «дурнушке Джейн» было унижением, которого она бы не вынесла.

Джинни услышала за дверью торопливые шаги, поднимающиеся по лестнице. Она поспешно засунула склянку и вырванную страницу обратно в потайной ящик стола, запечатала его и сняла чары с двери. Через секунду в комнату вбежала ее взволнованная мать.

— Тонкс только что сообщила из Св. Мунго, что Гарри пришел в себя. Он все еще очень болен, и целители усыпили его на ночь, но мы можем навестить его завтра, если его здоровье позволит.

Джинни вскочила, бросаясь в объятия матери со слезами облегчения на глазах.

* * *

Во дворе за домом садовый гном свисал с ветки куста, его поджатые пальцы ног еле касались земли, в то время как он пыталась оторвать сочную клубнику, прочно державшуюся на ветке. Внезапно бешено несущийся грызун, бегущий через сад, врезался в него, сталкивая на землю. Резкая жгучая боль в горле, последовавшая за серебряной вспышкой, была последним, что гном успел почувствовать.

Крыса огляделась по сторонам, как будто пыталась убедиться в том, что никто из обитателей дома ее не заметил, а потом, вскарабкавшись на тело гнома, продолжила свой неистовый бег, сначала сквозь изгородь, а потом через поле и в укрытие леса.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3816130>